

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
LXXVII

АРХЕОЛОГИЯ БЕЗ ГРАНИЦ
КОЛЛЕКЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ИССЛЕДОВАНИЯ,
ГИПОТЕЗЫ

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2015

УДК 930.26(082)
ББК (Г)63.4
Т78

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Научный редактор Е. Ф. Королькова

Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 77 : Археология без границ : коллек-
Т78 **ции, проблемы, исследования, гипотезы / Государственный Эрмитаж. — СПб. :**
Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. — 560 с. : ил.

ISBN 978-5-93572-621-8

Сборник научных статей «Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы» затрагивает разные темы, в основном связанные с изучением культур древних кочевников, прежде всего скифов, и их контактов с другими народами. Статьи касаются многих аспектов самых актуальных и дискуссионных проблем археологии и древней истории в целом и демонстрируют разный подход к исследованию материала и разные позиции ведущих специалистов в этой области науки.

Кроме профессионального интереса к тематике, авторов сборника объединяют искренние дружеские чувства и глубокое уважение к А. Ю. Алексееву, одному из выдающихся скифологов, ученому с мировым именем, настоящему музейщику, которому в связи с его 60-летием посвящается это издание.

УДК 930.26(082)
ББК (Г)63.4

На обложке: Серебряная с позолотой амфора.
Курган Чертомлык. IV в. до н. э. Государственный Эрмитаж

ISBN 978-5-93572-621-8

© Государственный Эрмитаж, 2015
© Харьковский исторический музей, 2015
© Государственный исторический музей, 2015
© Азовский музей-заповедник, 2015
© Ростовский областной музей краеведения, 2015
© Национальный музей Корен, 2015

А. И. Бабенко

ЗОЛОТАЯ БЛЯШКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПАУКА ИЗ СОБРАНИЯ ХАРЬКОВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Среди разнообразных научных интересов Андрея Юрьевича Алексеева видное место занимает исследование золотой пластинчатой аппликации. Подобные украшения всегда привлекали внимание исследователей своей массовостью и обилием образов и сюжетов. Но именно в серии работ А. Ю. Алексеева был в полной мере раскрыт потенциал этого источника как надежного и чувствительного хроноиндикатора, что позволило сузить хронологические рамки ряда комплексов и проследить динамику исторического развития памятников и целых регионов.

Подавляющее число золотых бляшек, обнаруженных в скифских погребениях, украшено различными зооморфными (травоядные, хищники, птицы) или фантастическими образами, антропоморфными персонажами, растительными сюжетами. Однако вследствие интенсивных культурных контактов древнегреческого и варварского населения в Северном Причерноморье, в скифской среде получили распространение изделия, украшенные и совершенно несвойственными местной культуре образами. К подобным чуждым скифскому искусству образам относятся различные виды членистоногих – насекомых и арахнидов (паукообразных). Изделия древнегреческих мастеров, украшенные такими образами, известны пока исключительно в памятниках IV в. до н. э.¹ и в очень малых количествах. Наиболее полную сводку предметов торевтики, содержащих изображения насекомых и пауков, собрал С. В. Полин в комментариях к бляшкам с изображением овода из Гаймановой Могилы (Бидзиля, Полин 2012. С. 395). Эту выборку можно дополнить еще несколькими золотыми метопидами и пластинами, являющимися украшением женских головных уборов. В Чертомлыке были обнаружены четыре подобные пластины, где среди выющихся от центральной пальметты растительных побегов аканфа, цветков лотоса и арицен, в некоторых местах на стеблях расположились птицы и насекомые – кузнечик, муха и пчела (оса ?) (ДГС 1872. С. 99. Табл. XXXVI, 5, 8; XI, 23). Еще по одной метопиде, украшенной подобной композицией, было обнаружено в Толстой Могиле (Мозолевский 1979. С. 127–129. Рис. 110) и в погребении № 1 кургана 8 Песочинского могильника (Бабенко 2005. С. 122. Рис. 15, 1. Фотография 12). Изображение кузнечика и скарабея (?) присутствует и на золотой пластине парадного головного убора из кургана 22 у с. Красный Перекоп (Лесков 1974. С. 95. Рис. 78;

---

¹ Интерпретация персонажа на золотой бляшке из кургана VI в. до н. э. у с. Александровка как скарабея спорна ввиду нечеткости оттиска и не может быть принята безоговорочно (Ковалева, Мухопад 1982. С. 99. Рис. 5, 5) (консультация С. В. Полина).

Лесков 1981. Рис. 30) и кургана 6 у Водославки (Ліфантій 2015. С. 72. Рис. 1, 3). По краю внешней стороны фиалы из Куль-Обы, по всему периметру находятся изображения пчелок (Scythian Art 1986. Р. 89. Pl. 164, 165). В Курджипском кургане была обнаружена золотая подвеска в виде мухи (Сысоев 1898. С. 151. Рис. 501а; Галанина 1980. С. 87. Кат. 26), золотая фигурка пчелы входила в состав одного из ожерелий из Большой Близницы (Артамонов 1966. С. 72; Маразов 2001. С. 372). Золотые пластинчатые аппликации с изображением паука к настоящему времени обнаружены в пяти погребальных комплексах и представлены бляшками двух типов. Прямоугольные ажурные бляшки с изображением противостоящих друг другу паука и мухи¹ обнаружены в Мелитопольском кургане (24 экз.; 1,0–1,5 × 3,5–4,3 см) (Тереножкин, Мозолевский 1988. С. 93. Рис. 98, 7) (ил. 1: 5, 5а); в кургане 4 у с. Владимировка (1 экз.; 3,5 × 1,0 см) (Полин, Кубышев 1997. С. 31. Рис. 24, 12) (ил. 1: 6); в погребении № 4 Вишневой Могилы (1 экз.; 4,7 × 1,3 см) (Болтрик, Фялко 2007. С. 53. Рис. 1, 2) (ил. 1: 7). В первых двух случаях паук и муха обрамлены продольными бортиками, украшенными псевдозернью. Бляшка из Вишневой Могилы имеет дополнительно и торцевое обрамление в виде гладких перегородок.

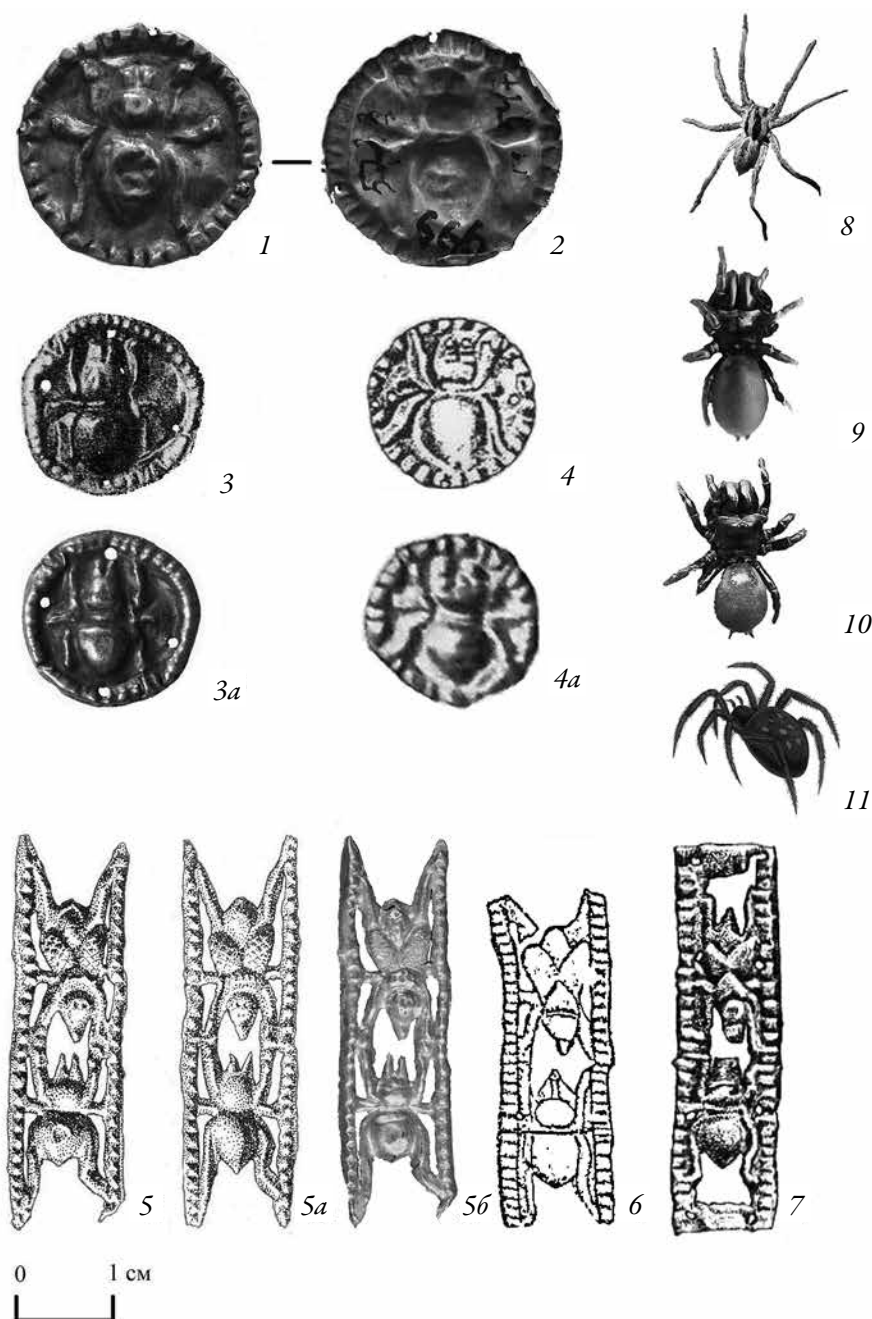
Еще в двух комплексах обнаружены круглые бляшки с изображением пауков, обрамленные по периметру псевдозернью. В Александрополе были найдены две такие бляшки диаметром 1,8–1,9 см – «бледного» и «ярко-желтого»² золота (ДГС 1866. С. 12. Табл. VIII, 12) (ил. 1: 3, 3а). В своде Н. А. Онайко персонаж на этой бляшке по недоразумению интерпретирован как пчела (Онайко 1970. С. 106. Кат. 497а), что вызвало справедливые нарекания С. В. Полина (Бидзиля, Полин 2012. С. 395). Все же следует отметить, что эта спорная атрибуция персонажа была просто буквально воспроизведена Н. А. Онайко из первоисточника (ДГС 1866. С. 12. Табл. VIII, 12). В Огузе найдено девять бляшек диаметром 1,8–1,9 см: восемь – с четырьмя пробитыми (одна с двумя) отверстиями для пришивания – в Северной могиле, и один – с четырьмя припаянными проволочными петельками – в Центральном погребальном сооружении (Онайко 1970. С. 106. Табл. XLII. Тип 500п; Фялко 2003. С. 131. Рис. 2, 18) (ил. 1: 4, 4а). В свое время Е. Е. Фялко допускала возможность использования при изготовлении бляшек из Огуза и Александрополя одного и того же штампа (Фялко 2003. С. 126). Однако несмотря на совпадение в размерах, совершенно явно видно различие в морфологии обоих пауков (форма ног, брюшка и головогруды), что свидетельствует об использовании разных штампов при изготовлении данных аппликаций.

В фондах Харьковского исторического музея находится одна золотая круглая бляшка с изображением паука (ил. 1: 1, 2)³. Бляшка происходит из довоенных собраний музея и в 1944 г. в числе прочих эвакуированных коллекций была возвращена из Уфы в Харьков (Бабенко 2012. С. 22, 23). При постановке на новый учет был указан старый инвентарный номер бляшки 666, нанесенный тушью на обратной стороне. Однако полная утеря

¹ Именно муху в насекомом, противостоящем пауку, видит подавляющая часть исследователей (Онайко 1970. С. 106; Полин, Кубышев 1997. С. 31; Фялко 2003. С. 126; Болтрик, Фялко 2007. С. 53; Бидзиля, Полин 2012. С. 395). Не столь категоричен Б. Н. Мозолевский, допускавший различные варианты атрибуции этого персонажа (муха либо пчела) (Тереножкин, Мозолевский 1988. С. 93). В ранней работе О. В. Триколенко видела в насекомом именно пчелу (Триколенко 2001. С. 65–69). Позже О. В. и С. Т. Триколенко интерпретировали этот образ как осу и, основываясь на собственных полевых наблюдениях, отвели персонажам противоположные общепринятым функции: жертвы – пауку, хищника – осе (Триколенко, Триколенко 2011. С. 117; Триколенко, Триколенко 2012. С. 137–145).

² Использованы термины из описания в инвентарной книге Государственного Эрмитажа.

³ Инв. № ЛБЗ-1. Вес 0,9 г, Au 500.

Ил. 1. Золотые бляшки с изображением паука (1–4) и паука и мухи (5–7)

1, 2 (лицевая и оборотная стороны) – Харьковский исторический музей; 3, 3a – Александропольский курган, 3 – (ДГС 1866. С. 12. Табл. VIII, 12); 3a – фотография гальваноконии из Государственного Эрмитажа (см. прим. на с. 69); 4, 4a – Огуз; 4 – Фялалко 2003. С. 131. Рис. 2, 18; 4a – Онайко 1970. С. 106. Табл. XII. Тип 500п. Прорисовка А. И. Бабенко; 5, 5a, 5b – Мелитопольский курган (Гереножкин, Мозолевский 1988. С. 93. Рис. 98: 7). Прорисовка А. И. Бабенко; 6 – курган 4 у с. Владимировка (Полин, Кубышев 1997. С. 31. Рис. 24, 12). Прорисовка А. И. Бабенко; 7 – погребение № 4 Вишневоу Могилау (Болтрик, Фялалко 2007. С. 53. Рис. 1, 2). Прорисовка А. И. Бабенко; 8 – *Hogna radiata*; 9, 10 – *Atypus muralis*; 11 – *Latrodectus tredecimguttatus*; 5–11 – без масштаба

довоенной учетной документации музея во время войны является препятствием для установления документированного паспорта бляшки. В то же время общеизвестный факт передачи в 1932 г. из Государственного Эрмитажа в Украину материалов шести скифских курганов, в том числе и коллекции Александропольского кургана, в состав которой входили две круглые бляшки с изображением пауков, и исключительная редкость подобных аппликаций априори, казалось бы, свидетельствовали в пользу александропольской атрибуции этой бляшки. Подобное впечатление усиливало и ее возвращение из эвакуации вместе с бесспорными александропольскими аппликациями. Однако знакомство с записью в инвентарной книге Государственного Эрмитажа, где был указан диаметр александропольских бляшек – 1,8 и 1,9 см, который существенно уступал размерам бляшки из Харьковского исторического музея, имевшей диаметр 2,5 см, показало ошибочность такой атрибуции. Вывод об отсутствии тождественности этих аппликаций был окончательно сделан при знакомстве с гальваноконией александропольской бляшки, которая была изготовлена перед непосредственной передачей коллекций в Украину¹. Оказалось, что аппликации отличаются не только диаметром, но и некоторыми особенностями иконографии изображенных на бляшках пауков. Ниже приводится описание харьковской бляшки.

Бляшка имеет круглую форму, по периметру обрамлена орнаментом в виде ободка из псевдозерни. По краям пробито четыре отверстия для пришивания на ткань. В центре – изображение паука, запечатленного сверху. Изображение удивительным образом передает знание торевтом целого ряда нюансов анатомии паука и просто непостижимую небрежность, допущенную при изображении ног арахнида, воссозданных художником в количестве трех, а не четырех пар. Подобный анатомический казус был допущен и при воспроизведении изображений паука на всех остальных бляшках. Это обязательно свидетельствует о едином авторстве всех бляшек – однажды допущенная ошибка могла быть растиражирована другими торевтами, использовавшими готовое изображение как образец для собственных изделий. Возможно, шестиноготь паука объясняется стремлением торевта придать некую симметричность композиции противостоящих паука и мухи и, соответственно, является следствием зеркального отражения шестиногой мухи. Если это верно, то производство аппликаций с противостоящими пауком и мухой предшествовало изготовлению круглых бляшек с изображением одиночного паука, воспроизводящих уже готовый иконографический образ.

Несмотря на единодушие торевтов в вопросе о воспроизводимом количестве ног паука, морфология отдельных частей арахнида на разных бляшках зачастую имеет свои особенности. Головогрудь (просома) паука на харьковской бляшке имеет шарообразную форму и заметно меньше брюшка. Похожую конфигурацию имеет головогрудь пауков из Мелитопольского кургана и кургана 4 у с. Владимировка. На бляшках из Огуза просома слегка сплюснута по оси, а у пауков из Александрополя и Вишневой Могилы имеет грушевидную форму с утолщением со стороны брюшка.

Заметно разнится форма брюшка (опистосомы). На харьковской бляшке, а также у изделий из Огуза и Вишневой Могилы брюшко пауков имеет форму луковки с заостренным концом сзади (анальным бугорком²); на бляшках из Александрополя – форму

¹ Выражаю признательность заведующему отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа А. Ю. Алексееву за возможность ознакомиться с фотографией гальваноконии этой бляшки.

конуса с округлой задней частью брюшка; на бляшках из Мелитопольского кургана присутствуют оба варианта формы брюшка. На всех аппликациях переход от головогрудки к брюшку очень четкий, однако если на нескольких бляшках (Александрополь, Вишневая Могила, Владимировка) стебелек, соединяющий просому и опистосому, явно выделен, то на харьковской бляшке он скрыт.

У всех пауков очень мощные, выдающиеся вперед хелицеры – пара конечностей, расположенная у арахнидов спереди рта и над ним. Также во всех случаях в морфологии арахнидов не воспроизведены педипальпы – вторая пара конечностей, находящаяся между хелицерами и ходными ногами.

Как уже отмечалось, ходных ног изображено всего три пары, их иконография имеет Ж-образную схему: передняя пара ног направлена вперед, задняя – назад, средняя расположена перпендикулярно оси туловища паука. Воспроизведение анатомии паучьих ног на аппликациях разное, точнее всего она передана, вероятно, именно на бляшке из Харьковского исторического музея. Посредством изломов линии ноги, ее утолщения и уплощения в разных местах, мастеру удалось довольно искусно передать многочленную структуру конечности, соответствующую природному прототипу.

Видовая атрибуция представленных на бляшках пауков затруднена относительным схематизмом их изображения. Зафиксирована точка зрения известного скифолога Е. В. Черненко, полагавшего, что на бляшках из Мелитопольского кургана изображены тарантулы (Триколенко, Триколенко 2011. С. 113). Есть мнение, что на мелитопольских аппликациях мы видим *Hogna radiata* (паука-волка) – самого маленького крымского тарантула (ил. 1: 8) (Ковблюк и др. 2008. С. 63. Рис. 64), атакованного дорожной осой *Cryptocheilus rubellus* (криптохил красноватый) с целью обеспечения едой своей личинки (Триколенко, Триколенко 2011. С. 117. Рис. 10). Возможно также, что это обобщенное изображение паука, составленное из «черт самки вида *Hogna radiata* и более крупных видов – *Geolycosa vultuosa* или же южнорусского тарантула *Allohogna singoriensis*» (Триколенко 2001. С. 64; Триколенко, Триколенко 2012. С. 137–145). С подобным определением паука, а также насекомого как осы (аргументом в пользу последнего утверждения послужил размер насекомого – муха, в отличие от осы, по своим параметрам значительно уступает пауку), согласился крымский арахнолог Н. М. Ковблюк¹. Однако здесь следует иметь в виду, что торевты далеко не всегда соблюдали естественную соразмерность животных, часто подчиняя ее требованиям создаваемой композиции. Подобное свободное отношение к природному прототипу отражает и шестиногость самого паука, противоречащая нормальной анатомии арахнида.

Что касается приемлемости истолкования сюжета на основе поведенческих нюансов мира членистоногих, а именно «волочения дорожной осой добытого паука» (Триколенко, Триколенко 2012. С. 142), можно признать как его оригинальность и остроумность, так и небесспорность. Причем последнюю неоднократно отмечают и сами авторы этой трактовки. Так, иконография насекомого далека от изображения осы и является «усредненным перепончатокрылым», сочетающим «черты нескольких, в том числе довольно разных насекомых: мух, пчелы медоносной, ос» (Там же. С. 42). Да и сам эпизод борьбы/волочения далек от сцен, наблюдаемых в природе, – паук-жертва «не выглядит обессилен-

¹ Устная консультация. Выражаю признательность доценту Таврического национального университета Н. М. Ковблюку за оказанную помощь.

ным» от борьбы. Не поддается определению и фаза стычки — это или ее начало (причем отличное от происходящего в природе, где оса атакует жалом, размещенным в брюшке), или развязка, когда оса тянет побежденную добычу (Там же. С. 140, 142). Все это не позволяет считать проблему интерпретации данного сюжета окончательно решенной.

По мнению сибирского арахнолога Г. Н. Азаркиной¹, на бляшках из Харьковско-го исторического музея и Александрополя изображен паук-птицеед семейства Atypidae (пауки-землекопы, или атипичные тарантулы; ил. 1: 9, 10). В пользу подобной атрибуции свидетельствуют особенности его морфологии, а именно: 1) направленные вперед хелицеры; 2) толстые ноги с «присосками» (скопулами-волосками, помогающими паукам передвигаться по крутым поверхностям); 3) резкое возвышение головного отдела над грудным. Показательно, что эти небольшие пауки (1,0–1,5 см) вполне соразмерны мухам.

Харьковский зоолог В. А. Бондаренко² полагает, что природным прототипом, используемым торевтами при изготовлении рассматриваемых бляшек, мог послужить и один из видов пауков из рода черных вдов — каракурт, или вдова степная (*Latrodectus tredecimguttatus*), ареал которого охватывал территорию Северного Причерноморья, Приазовья и Крыма (ил. 1: 11).

Проблема семантики образа паука в скифском обществе едва ли имеет однозначное решение. В территориально близкой культурной среде получила распространение мифология превращения человека в паука вследствие наказания. Наиболее известен миф о лидийской вышивальщице и ткачихе Арахне, дочери красильщика тканей Идмона. Движимая гордыней Арахна вызвала на состязание Афину. Вытканная Арахной ткань с изображением сцен любовных походов Зевса, Посейдона, Диониса вызвала гнев богини, ударившей соперницу челноком. Арахна в горе повесилась, однако Афина вынула ее из петли и превратила с помощью зелья Гекаты в паука, который вечно висит на паутине и неустанно прядет пряжу (Гахо-Годи 1997. С. 98).

В «Эпосе о Гильгамеше» главный герой, перечисляя преступления Иштар, упоминает и превращение в паука бывшего возлюбленного садовника богини Ишлулану (Мифы и легенды народов мира 2004. С. 298, 404; Ассири-вавилонский эпос 2007. С. 362, 607).

Информацию для понимания семантики этого образа дает упомянутая выше серия бляшек с изображением противостоящих друг другу паука и мухи (примем традиционный вариант интерпретации данного образа). По мнению Е. Е. Фиалко, отметившей необычность данного сюжета для греко-скифского искусства, эта сцена является вариантом характерных для скифского звериного стиля сцен противостояния животных (Фиалко 2003. С. 126). Подобная оценка верна по сути, но все же не исчерпывающе характеризует этот мотив.

Возможно, появлению аппликаций с дуалистической парой муха–паук способствовал распространенный в художественной среде, к которой относились и торевты, исторический рассказ о мастерстве древнегреческого живописца Апеллеса, сумевшего столь искусно нарисовать муху, что ее изображение привлекло к себе настоящего паука (Соколов 1997. С. 203; Соколов 2002. С. 110). Годы жизни Апеллеса — 370–307 гг. Неизвестно, в какой период творчества художника произошло это событие, во всяком

¹ Устная консультация. Выражаю признательность научному сотруднику Института систематики и экологии животных Сибирского отделения РАН Г. Н. Азаркиной за оказанную помощь.

² Устная консультация. Выражаю признательность научному сотруднику Музея природы Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина В. А. Бондаренко за оказанную помощь.

случае, оно должно было предшествовать дате комплексов, в которых были обнаружены подобные апликации. Наибольшей информативностью для определения даты появления таких бляшек обладают материалы Мелитопольского кургана.

Ажурные бляшки с противопоставленными пауком и мухой украшали головной убор, обнаруженный в женской гробнице № 1. Для датировки этого погребения, помимо анализа вещевого комплекса, большое значение имеет и определение последовательности захоронений – женской гробницы № 1 и мужской гробницы № 2. Изначально первичной считалась женская гробница № 1, а мужская – впускной (Тереножкин 1955. С. 33; Покровская 1955. С. 195; Тереножкин, Мозолевский 1988. С. 14–17). Однако проведенный Ю. В. Болтриком анализ планировки курганного комплекса позволил с большой долей вероятности предположить обратную последовательность захоронений – первичную мужскую и вторичную, впускную и, соответственно, несколько более позднюю, женскую (Болтрик 1997. С. 32, 33). Эти выводы были поддержаны рядом исследователей, специально занимавшихся хронологией Мелитопольского кургана (Монахов 1999. С. 404; Алексеев 2003. С. 265, 266; Бидзиля, Полин 2012. С. 553, 554), что позволяет считать пересмотренную очередность погребений Мелитопольского кургана установленной верно.

Отсутствует единодушие и в определении абсолютной даты женской гробницы № 1. Н. А. Онайко датировала импортную столовую посуду (килик, пелика, крышка леканы, чашечка) временем не позднее середины IV в. до н. э. (Онайко 1970. С. 15–17). Бляшки монетного типа с изображением бородатого сатира с венком на голове исследовательница считала подражанием боспорским статерам второй половины IV в. до н. э., но не позднее начала последней четверти столетия. «По форме мотива изображения голова сатира в этих бляшках стоит ближе к монетному типу 330–315 гг. до н. э., а по сравнительно мягкой трактовке лица этого божества – к эмблемам боспорских монет более раннего времени» (Гам же. С. 48, 49).

Б. Н. Мозолевский относил погребения Мелитопольского кургана к концу третьей – началу четвертой четверти IV в. до н. э. (340–320 гг.) на основании даты фасосских клейм амфор из Желтокаменки и их сходства по форме с мелитопольскими (Тереножкин, Мозолевский 1988. С. 147–149).

А. Ю. Алексеев, датировав вначале Мелитопольский курган последней третью IV в. до н. э. (Алексеев 1987. С. 34–37), позже несколько удревнил этот комплекс, отнеся его к хронологическому пласту Г с рамками 340–320 гг. до н. э. (Алексеев 1992. С. 152, 153, 156, 157). В позднейшем исследовании, допустив возможность предложенной Ю. В. Болтриком последовательности захоронений, А. Ю. Алексеев отнес время погребения в женской могиле «к периоду после 330 г. до н. э.» (Алексеев 2003. С. 265, 266).

С. Ю. Монахов относит комплекс к концу 40-х – первой половине 30 г. IV в. до н. э. на основе сходства амфор Мелитопольского кургана и Чертомлыка (Монахов 1999. С. 402–405).

С. В. Полин первоначально помещал Мелитопольский курган в пределы третьей четверти IV в. до н. э. (Мозолевский, Полин 2005. С. 364). Позднее, в результате пересмотра хронологии курганов скифской знати IV в. до н. э. и ее дрейфа в сторону незначительного удревнения ряда комплексов, была уточнена и дата женской гробницы № 1 Мелитопольского кургана в пределах 350–345 гг. до н. э., не позднее 350–340 гг. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012. С. 553–555; Полин 2014. С. 475).

Таким образом, предложенные для женского захоронения Мелитопольского кургана даты, которые могут отражать и время изготовления аппликаций с противостоящими пауком и мухой, колеблются в пределах от 350 (наиболее ранняя) до 320 г. до н. э. (и даже позже), что соответствует возрасту Аппеллеса от 20 до 50 лет – вполне зрелому для создания творения. Но не исключено, что данный рассказ, являющийся своеобразным гимном мастерству художника-реалиста, рисунок которого смог ввести в заблуждение и паука, имел более раннее происхождение и лишь позже стал приписываться личности Аппеллеса.

Однако если веяниями моды можно объяснить рождение этого сюжета у торевтов, то причины его появления в скифской среде следует искать в ином. Муха, противостоящая на бляшках пауку, являлась персонажем иранской мифологии, где демон смерти Насу («труп») представлялся в облике отвратительной трупной мухи, прилетающей после смерти человека, чтобы завладеть его душой и осквернить тело (Лелеков 1997. С. 203; Топоров 1997. С. 188). В виде мухи иногда изображался Эврином, греческий демон физического разложения и гниения (Лелеков 1997. С. 203). Ахилл просит мать проследить за тем, чтобы мухи и черви не осквернили тело убитого Патрокла:

„...Но об одном беспокою
Сердце мое, чтобы тою порою в Патрокловом теле
Мухи, проникши в глубокие, медью пробитые раны,
Алчных червей не родили; они исказят его образ
(Жизнь от него отлетела!), и тление тело обымет!“
Вновь говорила ему сереброногая мать Фетида:
„Сын мой! заботой о сем не тревожь ты более сердца.
Я попечусь отгонять от него кровожадные сонмы
Мух, которые тело убитых мужей пожирают;
И хотя бы лежал он в течение круглого года,
Тело его невредимо и даже прекраснее будет...“

Илиада. 19. 23–34¹

Символическое значение негативных свойств мухи во многом связывалось с ее вредоносным воздействием на покойника². В этом случае естественному антагонисту-пауку могли приписываться апотропейные функции, и присутствие его изображения в декоре одежды и головного убора покойника должны были уберечь последнего от пагубного воздействия мух как во время похорон, так и в загробном мире.

В этой связи показательна продолжительность скифской погребальной церемонии, длившейся 40 дней, а также предпринимаемые меры по бальзамированию тела усопшего, одной из целей которого было предотвращение разложения трупа в процессе совершения похорон (Hdt. 4. 71–73)³. Неизвестно, сколь эффективны были подобные усилия, однако присутствие мух во время проведения погребальных ритуалов

¹ Цит. по: Гамфр. Илиада / пер. Н. И. Гнедича; сост., прим., ст. А. И. Зайцева. Л., 1990.

² Иная точка зрения на муху в новелле Лукиана Самосатского «Похвала мухе», в которой восхваляется ум, мужество, отвага и сила этого насекомого, а также его способность к воскрешению. Примечательно сравнение образа жизни мух со скифами – «Муха не устраивает себе гнезда или крова, предпочтя, подобно скифам, блуждающие перелеты, и, где бы ни застала ее ночь, там она находит и пищу, и сон» (Цит. по: Лукиан Самосатский. Сочинения : в 2 т. / под общ. ред. А. И. Зайцева. СПб., 2001. Т. 1).

³ Цит. по: Геродот. История : в 9 кн. / пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л., 1972.

зафиксировано археологически, причем к погребальной процессии их могло привлечь не только тело покойника, но и иные факторы.

Так, во время раскопок кургана 14 у с. Черемушная на Харьковщине был обнаружен бронзовый котел, в пределах диаметра ножки которого, благодаря бронзовым окислам, на остатках ткани обнаружено около 20 ложнококонов (пупариев) синих падальных мух (*Lucilia*) из семейства *Calliphoridae*, питательной средой для размножения которых послужило, по мнению авторов, содержимое котла — мясо на костях мелкого рогатого скота и бульон из него (Буйнов, Шевченко 2004. С. 35). По расчетам исследователей, захоронение совершалось в летнее время, причем котел находился в открытом состоянии от 7 до 14 суток (Там же. С. 36). Из этого можно сделать вывод, что сонмы роящихся мух были типичным явлением продолжительных похорон в теплое время года.

Несмотря на отсутствие изображений пауков в собственных скифских художественных традициях, этот образ мог быть воспринят в скифской среде в качестве своеобразного апотропея, оберегающего душу и тело покойника. Обнаружение бляшки с иным вариантом штампа, равно как и нового, уже шестого по счету, хотя и оставшегося невыясненным комплекса, свидетельствуют о глубоком проникновении этого образа в мировоззрение населения причерноморских степей IV в. до н. э.

Алексеев 1987

Алексеев А. Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. // СА. 1987. № 3. С. 28–39.

Алексеев 1992

Алексеев А. Ю. Скифская хроника. СПб., 1992.

Алексеев 2003

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб., 2003.

Артамонов 1966

Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага ; Л., 1966.

Ассиро-вавилонский эпос 2007

Ассиро-вавилонский эпос : переводы с шумерского и аккадского языков В. К. Шилейко. СПб., 2007.

Бабенко 2005

Бабенко А. И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005.

Бабенко 2012

Бабенко А. И. К истории коллекции предметов из Антога (Мельгуновского) кургана // РА. 2012. № 3. С. 20–27.

Бидзиля, Полин 2012

Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012.

Болтрик, Фиалко 2007

Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е. Украшения из скифских погребальных комплексов Рогачикского

курганного поля // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2007. Т. 14. С. 51–93.

Буйнов, Шевченко 2004

Буйнов Ю. В., Шевченко В. Б. Новые данные о погребально-поминальной обрядности у племен северодонецкой группы памятников скифского периода // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2004. С. 35, 36.

Галанина 1980

Галанина Л. К. Курджинский курган. Л., 1980.

ДГС 1866

Древности Геродотовой Скифии: сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб., 1866. Вып. 1.

ДГС 1872

Древности Геродотовой Скифии: сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб., 1872. Вып. 2.

Ковалева, Мухопад 1982

Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е. Скифское погребение конца VI–V вв. до н. э. у с. Александровка // Древности Степной Скифии. Киев, 1982. С. 91–102.

Ковблюк и др. 2008

Ковблюк Н. М., Кукушкин О. В., Гнелица В. А., Надольный А. А. Краткий атлас пауков (Arachnida, Aranei) Карадагского природного заповедника. Симферополь, 2008.

- Лелеков 1997
Лелеков Л. А. Насу // МНМ / глав. ред. С. А. Токарев. М., 1997. Т. 2. С. 203.
- Лесков 1981
Лесков А. М. Курганы, находки, проблемы. Л., 1981.
- Мифы и легенды народов мира 2004
Мифы и легенды народов мира : Древний Египет ; Месопотамия / И. В. Рак, А. И. Немеровский, Л. С. Ильинская. М., 2004.
- Мозолевский, Полин 2005
Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). Киев, 2005.
- Монахов 1999
Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье : комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов, 1999.
- Онайко 1970
Онайко Н. А. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. // САИ. Д1–27. 1970.
- Покровская 1955
Покровская Е. Ф. Мелитопольский скифский курган // ВДИ. 1955. № 2. С. 191–199.
- Полин 2014
Полин С. В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев, 2014.
- Полин, Кубышев 1997
Полин С. В., Кубышев А. П. Скифские курганы Устлюкского междуречья. Киев, 1997.
- Соколов 1997
Соколов М. Н. Наскомые // МНМ / глав. ред. С. А. Токарев. М., 1997. Т. 2. С. 202, 203.
- Соколов 2002
Соколов М. Н. Время и место : искусство Возрождения как перворубеж виртуального пространства. М., 2002.
- Сысоев 1898
Извлечение из отчета В. М. Сысоева о раскопках, произведенных им в 1896 году в кургане близ Курджипской станицы, в Майкопском отделе Кубанской области // ОАК за 1896 г. СПб., 1898. С. 149–156.
- Тахо-Годи 1997
Тахо-Годи А. А. Арахна // МНМ / глав. ред. С. А. Токарев. М., 1997. Т. 1. С. 98.
- Тереножкин 1955
Тереножкин А. П. Скифский курган в г. Мелитополе (Запорож. обл.) // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 5. С. 23–34.
- Тереножкин, Мозолевский 1988
Тереножкин А. П., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.
- Топоров 1997
Топоров В. Н. Муха // МНМ / глав. ред. С. А. Токарев. М., 1997. Т. 2. С. 188.
- Триколенко, Триколенко 2012
Триколенко С. Т., Триколенко О. В. Изображение осы и паука золотых пластинок из Мелитопольского кургана и его связь с реальностью // Музейні читання / відп. за вип. Л. В. Строкова. Київ, 2012. С. 137–145.
- Фялалко 2003
Фялалко Е. Е. Золотые бляшки из кургана Огуз // РА. 2003. № 1. С. 124–133.
- Болтрик 1997
Болтрик Ю. В. Про місце жіночих поховань в курганах скіфської еліти // Археологія. 1997. № 1. С. 28–37.
- Лесков 1974
Лесков О. М. Скарби курганів Херсонщини. Київ, 1974.
- Ліфантій 2015
Ліфантій О. В. Два типи довгих пластин головних уборів скіфів із зображеннями комах // Магістеріум. 2015. Вип. 60. С. 71–75.
- Маразов 2001
Маразов П. Фялалата от Кул Оба – образът на «другия» в изкуството на скитите // МИФ-7: ἀποθέωσις. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. София, 2001. С. 360–423.
- Мозолевський 1979
Мозолевський Б. М. Товста Могила. Київ, 1979.
- Триколенко 2001
Триколенко О. В. Ажурні золоті платівки із зображенням маленьких степових істот : до вивчення знахідок з Мелітопольського кургану // Музейні читання / відп. ред. Ж. Г. Арустамян. Київ, 2001. С. 63–71.
- Триколенко, Триколенко 2011
Триколенко О. В., Триколенко С. Т. Про центр виготовлення пластинок із зображенням комах та тварин із скіфських курганів Північного Причорномор'я // Музейні читання / відп. за вип. Л. В. Строкова. Київ, 2011. С. 113–120.
- Scythian Art 1986
Scythian Art. Leningrad, 1986.

SUMMARIES

Ilya Akhmedov

WHIPS FROM THE RYAZAN–OKA TOMBS. NEW DATA

The object of the study is whips with metal parts which were retrieved from sites associated with Ryazan Finns, the westernmost group of Volga Finns in Eastern Europe in the 1st millennium AD. Some of the finds have been explored previously; however, some newly available data have motivated us to revisit this topic.

Two types of whips have been identified. Type 1A whips, dating to the mid- to late 4th century, had handles wrapped with bronze plates, and a line with beads serving as weights (burials 59 M1 and 80 M1, Korablino).

The lines of Type 1B whips (late 4th – early 5th century) carried plaques typical of belt sets (Shatrishchensky, P. Efimenko's excavations (Burial 40 and the 1921 finds), Prinoshchenie, Gaverdovsky Gravesite). A study conducted by M.I. Kolosova (State Hermitage) showed two Type 1B whips to be made of maple wood (*Acer sp. pl.*), which was sometimes used for whip handles in Ancient Rus. Type 1 may be linked with late Sarmatian prototypes and analogues and has some Hun and Alan parallels dating from the Great Migration period. The author describes the subsequent development of the "Late Sarmatian" design and identifies the key features of the "Hun" whips. The presence of whips replicating the Roman *flagrum* (*flagellum*) design among early Slavic finds dating from Kievan culture enables the author to link the origins of such whips with the possible Roman influence on the formation of elite status symbols in Eastern Europe in the 3rd and 4th centuries.

Type 2 whips have wooden handles wrapped with a bronze ribbon (Burial 5/145, Nikitinsky Gravesite; Burial 95, Borok 2 Gravesite) and date from the 5th – 7th centuries AD. These whips were probably manufactured locally as the known parallels are attributed to different chronological periods.

The recovery of the whips from tombs suggests that whips were regarded as symbols of power among local leaders. This hypothesis is confirmed by the evidence of special significance of the whip to the population of the Eurasian steppes.

Translated by Natalia Magnes

Leonid Babenko

THE GOLD PLAQUE WITH A SPIDER DESIGN FROM THE KHARKOV HISTORICAL MUSEUM

Gold plate appliques with spider designs have been retrieved from five Scythian burials and may be subdivided into two types. The rectangular openwork plaques which represent a spider and a fly (sometimes bee or wasp) confronting each other were obtained from the Melitopol Mound,

Mound 4 near Vladimirovka Village and Burial 4 of the Vishneva Grave. The other two burials (in Oguz and Alexandropol) were found to contain two round plaques representing spiders.

The Kharkov Historical Museum preserved another round gold plaque with a spider design of unknown origin, acquired before World War II.

Despite the absence of specific representational traditions, the spider design may have been regarded in the Scythian environment as an apotropaion intended to protect the body and soul of the deceased. The discovery of a different variety of stamp as well as a new complex, sixth in succession, demonstrates the deepening integration of this image in the mentality of the population of the Black Sea steppes during the 4th century BC.

Translated by Natalia Magnes

Marina Vakhtina

THE ICONOGRAPHY OF THE FEMALE DEITY ON THE SILVER DISH FROM THE CHERTOMLYK MOUND

The article studies the iconography of the female deity represented on the silver dish from a feast set found in the north-west chamber of the famous Chertomlyk Scythian mound. A.Yu. Alexeev, following an in-depth study of the mound structure and the objects recovered, described the set of dishes as “the nucleus” of the Chertomlyk complex and dated it by 350/340–320 BC. The image of a female figure ending in volutes (a.k.a. Rankenfrau) is located below the handles of the dish. This type of design is common in Greece, Italy and Asia Minor and can be seen on artefacts from “royal” and aristocratic barbarian burials in the Northern Black Sea area.

The Rankenfrau on the Chertomlyk dish can be easily identified with synchronous objects commonly found on the territory sharing Greek culture. On the other hand, the image displays some unusual and unique features such as the headdress and the “root system” in the lower part, which do not occur on any of the known synchronous artefacts.

Like many other images found on the best samples of the so-called Greco-Scythian toreutics, the Rankenfrau design can be logically linked to the development of a certain peripheral branch of ancient art. However, objects created by Greek artisans for the barbarian elite require careful analysis of more complex iconographic (and, possibly, semantic) characteristics than those present in the images and compositions originating from other areas of the ancient world.

Translated by Natalia Magnes

Hanna Vertiienko

ARROW: THE ETYMOLOGY OF THE TERM AND ARCHAEOLOGY

The article discusses the Young Avestan terms *arəzaži-* and *ayhū-* used for determination of the weapon of deities-spirits *fravashi-* in *Yasht* 13. 45, 46. Respectively, the term *ayhū-* designates “the bone strip for shoulders of a composite bow”, and *arəzaži-* is a metaphor of “arrow” figuratively expressed as “battle snake”, which is similar to the ideas of Scythian “arrows-snakes” proposed by A.Yu. Alexeev. This metaphorical image of an arrow allows allocating a basic semantic line – an identification of arrows with snakes and poison. In addition the article gives an analysis of the Young Avestan lexis connected with the terminology of arrows and reveals the wide range of its differentiation. New semantic interpretations and additions are offered for several terms.

Translated by Hanna Vertiienko